

Валова Ольга Михайловна

докт. филол. наук, доцент (Вятский государственный университет,
г. Киров, Россия
olymihalna@yandex.ru

УАЙЛЬД И РУССКАЯ МЫСЛЬ КОНЦА XIX – НАЧАЛА XX ВЕКА: НЕВЗАИМНЫЕ ПЕРЕКЛИЧКИ

Речь пойдёт о расположении героев и предметов на сцене как средстве смыслопередачи в комедиях О. Уайльда. Смыслы «правого» и «левого» ведут историю начиная с мифологических систем и чаще ассоциируются с положительным и отрицательным, мужским и женским. Театральная сцена с истоков развивала эти смыслы, и в своей работе мы представим закономерности, найденные в мизансценах комедий «Веер леди Уиндермир», «Женщина, не стоящая внимания», «Идеальный муж», «Как важно быть серьёзным».

Ключевые слова: О. Уайльда; мужское и женское; мизансцена; комедия; «Веер леди Уиндермир», «Женщина, не стоящая внимания», «Идеальный муж», «Как важно быть серьёзным».

Слава Оскара Уайльда (1854–1900) на рубеже XIX–XX вв. распространялась далеко за пределы Англии, но её скандальность порой затмевает яркие гуманистические идеи писателя, сходные с теми, что прочитываются в работах Ф. Достоевского, Н. Бердяева, Л. Шестова. Сначала мы рассмотрим типологическое сходство в восприятии темы нигилизма в романе Ф. М. Достоевского «Бесы» и пьесе О. Уайльда «Вера, или Нигилисты». В начале XX века Н. Абрамович обратил внимание на то, что творчество О. Уайльда, созданное в послетюремный период, пониманием темы страдания приближается к интерпретации этой темы Ф. М. Достоевским. На наш взгляд, уже в первой пьесе Уайльд сближается с Достоевским в понимании сущности нигилизма [1]. Если творчество Тургенева повлияло на выбор темы, подтолкнуло к размышлениям, то в целом рассуждения о перспективах перерождения нигилизма в терроризм много ближе к идеям, развиваемым Ф. М. Достоевским в романе «Бесы» (1871).

Установлено, что Уайльд знал романы «Униженные и оскорблённые», «Преступление и наказание», «Записки из мёртвого дома» и, вероятно, «Братья Карамазовы». Уайльд мог знать о содержании «Бесов» Достоевского, поскольку писатель имел возможность ознакомиться с прижизненным некрологом Достоевского (1875) В. Ральстона («The Athenaeum»), содержащим критический разбор основных произведений русского писателя, в том числе «Бесов» [2, с. 250–253]. О Достоевском и его творчестве Уайльд также мог знать от О. А. Новиковой, известной публицистки и хозяйки великосветского салона в Лондоне, корреспондентки Достоевского» [2, с. 271]. Хотя мы не располагаем данными о знакомстве Уайльда с романом «Бесы», очень любопытно типологическое сходство, обнаруживающееся во взгляде обоих писателей на проблему нигилизма.

Параллели в интерпретации проблемы формирования нигилистического мировоззрения у молодёжи последней трети XIX века Достоевским и Уайльдом обусловлены обращением авторов к сходным событиям, опоре на «Катехизис революционера» С. Нечаева. Оба писателя говорят о взаимоотношениях заговорщиков с властями, о скандальных или преступных методах деятельности, о скрытых за идейными установками эгоистическими целями нигилистов. Оба автора показывают нигилизм как одно из следствий ослабления религиозности, усиления материалистических тенденций. Уайльду также была близка мысль

Достоевского о неспособности постичь законы мироустройства лишь с помощью рассудка. И Достоевский, и Уайльд вкладывают свои смыслы в изображение женских образов, но оба негативно относятся к социально-активным героиням. Используя художественные возможности текста, писатели подчёркивают антигуманную суть нигилизма. Исследователи отмечают утопичность христианских идей Достоевского, так, А. Янов, сравнивая его с М. Бакуниным, пишет, что «под его пером современный конфликт перерастает в исторический, универсальный, библейский конфликт» [3, с. 59]. Достоевский предлагает христианский социализм, народную веру. Уайльд в пьесе «Вера, или Нигилисты» также отчасти представляет свою утопию, противопоставляя прагматичности современности веру и любовь. Н. Бердяев, В. Розанов видят корни кризиса культуры, например, в утвердившемся безбожии и нигилизме, а одним из самых ярких противников оправдания жизни властью необходимости стал Л. Шестов [4, с. 16].

Л. Шестов предполагал, что при характеристике Европы XIX и начала XX вв. потопки отметят прежде всего тенденцию к рационализации, когда рыцарство заменяется армией, алхимия уступает место химии, и, завершая этот пассаж, Шестов иронически замечает, что эпоха «не только не замечала своей незначительности – но гордилась собой» [5, с. 103]. Одна из центральных идей творчества Уайльда как раз и заключалась в критике нарастающего прагматизма, представлении этой линии развития как тупика. Писатель ратовал за проявление индивидуализма и творческого начала личности, что, по его мнению, может дать социализм. Различия социалистических направлений были для Уайльда несущественны, и не случайно появление следующего высказывания: «Социализм, Коммунизм – называйте как угодно – благодаря превращению частной собственности в общественное достояние и выдвигению кооперации взамен конкуренции возвращает общество к нормальному виду <...>» [6, с. 346]. Несмотря на это Н. Бердяев («Оскар Уайльд. Душа человека при социализме», 1907) увидел значительный потенциал в уайльдовском видении индивидуализма как положительного свойства социализма. Отмечая актуальность уайльдовских идей, Бердяев вместе с тем утверждал, что религиозной потребностью эпохи является не эллинистический индивидуализм, а «синтез индивидуализма и универсализма» [7].

Популярность фигуры Уайльда, его художественного произведений среди российской творческой интеллигенции конца XIX-начала XX века была очевидной и значительной. Провозглашая мысль о сложности, непостижимости, алогичности бытия, осуждая рационализм, безверие современной эпохи, тенденцию к возрастающему прагматизму и указывая на трагическую суть данного процесса, Уайльд становится в один ряд с выдающимися гуманистами переломной эпохи.

Библиографический список

1. Абрамович, Н. Я. Религия красоты и страдания. Оскар Уайльд и Достоевский / Н. Я. Абрамович. – СПб.: Изд-во «Посев», 1909. – 88 с.
2. Ипатова, С. А. Неизвестная рецензия Оскара Уайльда на «Преступление и наказание» / С. А. Ипатова // Pro memoria. Памяти академика Г. М. Фридлендера (1915–1995). – СПб.: Наука, 2003. – С. 250–271.
3. Yanov, A. L. Three Utopias: M. Bakunin, F. Dostoevsky, and K. Leont'ev / A. L. Yanov // Russian Studies in Philosophy. – Fall 2007. – Vol. 46 Issue 2. – P. 52–70. – 19 p.
4. Волгогонова, О. Д. Специфика иррационализма Л. И. Шестова / О. Д. Волгогонова // Вестник Московского университета. – Сер. 7. Философия. – 1997. – № 3. – С. 16–26.

5. Шестов, Л. Апофеоз беспочвенности: Опыт догматического мышления / Л. Шестов; авт. предисл. Н. Б. Иванов. – Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1991. – 216 с. URL: <http://www.magister.msk.ru/library/philos/shestov/shest08.htm>.

6. Уайльд О. Избранные произведения: в 2 т. Т. 2.; пер. с англ. – М.: Республика, 1993. – 543 с.

7. Бердяев, Н. Оскар Уайльд. Душа человека при социализме; пер. М. А. Головниковой / Н. Бердяев. URL: http://krotov.info/library/02_b/berdyayev/1906_kolerov.html.

Васильева Эльмира Викторовна

канд. филол. наук, доцент (Санкт-Петербургский государственный университет телекоммуникаций им. проф. М. А. Бонч-Бруевича, г. Санкт-Петербург, Россия)
elmvas@yandex.ru

НЕКОТОРЫЕ СТРАТЕГИИ ВИЗУАЛИЗАЦИИ ГОТИЧЕСКОГО ХРОНОТОПА В СЕРИИ ДЖ. ХИЛЛА И Г. РОДРИГЕСА «КЛЮЧИ ЛОККОВ»

В статье рассматриваются жанрообразующие элементы поэтики готического романа и квазиготических жанровых форм на примере хронотопа замка в серии Дж. Хилла и Г. Родригеса «Ключи Локков».

Ключевые слова: готический роман; хронотоп; комикс; графический роман; трансмедиа; адаптация.

Жанрообразующим элементом поэтики готического романа и «родственных» ему пост- и квазиготических жанровых форм традиционно считается хронотоп замка (см.: [1]). В процессе формирования, а впоследствии и трансформации жанрового канона литературной «готики» хронотоп замка также претерпевал изменения, предстывая в различных произведениях в виде окруженного дурной славой родового поместья, закрытой школы или университетского кампуса, лечебницы, многоквартирного дома, транспортного средства, провинциального городка, мегаполиса, острова в океане и других локаций, представляющих собой обособленные, существующие по собственным законам пространственно-временные «пузыри» внутри, как правило, лишь пунктирно намеченных диетических миров.

Сегодня «квазиготика», представленная ужасами, детективами, триллерами, фантастикой, фэнтези и прочими жанровыми образованиями, не просто составляет значительный пласт массовой культуры, но фактически питает современную популярную литературу, кинематограф, индустрию компьютерных игр, в связи с чем особую актуальность приобретают направления исследований, связанные с рецепцией готической поэтики, а также с особенностями ее «перекодирования» в иные семиотические системы и прагматикой этих процессов.

В настоящем исследовании мы рассмотрим лишь один аспект намеченной широкой проблематики, а именно стратегии визуализации готического хронотопа в креолизованном тексте на материале серии комиксов писателя Джо Хилла и художника Габриэля Родригеса «Ключи Локков» (*Locke & Key*, 2008–2013) (известной главным образом по успешной экранизации, вышедшей в 2020–2022 гг. на стриминговой платформе «Нетфликс»).